

УДК 94(470)575

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.94-108

Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.)*

Г.С. Султангалиева

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Алматы, Республика Казахстан*

Цель данной статьи – раскрыть отдельные сюжеты включения татарских переводчиков и толмачей Оренбургской Пограничной комиссии в дипломатическую деятельность в Хивинском ханстве. По долгу службы и знаний восточных языков толмач Мухамет-Шариф Аитов, переводчики Искендер и Сулейман Батыршины выполняли коммуникативные функции между посольствами хивинского хана в Оренбурге и региональной администрацией и сопровождали русские дипломатические миссии в Хиву и хивинские посольства в Санкт-Петербург. Результатом их дипломатической деятельности стали научные сведения о внутривосточном и международном положении Хивы, что позволило региональной администрации и Центру вырабатывать стратегии действий и принимать определенные решения. Статья основана на архивных документах, извлеченных из фондов центральных архивов Казахстана и России, и исторической литературы.

Ключевые слова: дипломатическая деятельность, татарские переводчики, толмачи, Хива, Оренбургская Пограничная комиссия

Для цитирования: Султангалиева Г.С. Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.94–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.94-108>

Образование Оренбургской губернии (1744 г.) и Оренбурга как политико-административного центра управления обширным регионом стало констатацией факта продвижения границы имперской России к кочевьям казахов Младшего и части Среднего жузов. Это стало шагом в развитии новых направлений политики регионов и Центра в отношении среднеазиатских ханств. Подтверждением стал следующий факт: оренбургский губернатор, наряду с задачей установления сотрудничества с местным населением обширного полиэтничного Оренбургского края (казахами, башкирами, татарами и др.), был наделен широкими полномочиями по установлению дипломатических и торговых взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами и использовал их. Оренбург постепенно превращался в

* Статья подготовлена в рамках проекта ИРН №14871932.

опорный пункт внешней торговли Российской империи со странами Среднего Востока, а Оренбургская таможня – в одно из крупных учреждений в империи. Подтвердить это может факт, что на Меновой двор Оренбурга съезжались не только представители из Степи или Средней Азии, но и из Афганистана, Персии, Китая и других стран.

В этом ракурсе обозначилась роль переводчиков, толмачей и писарей Оренбургской губернской канцелярии. Укомплектование штатного расписания толмачами и переводчиками из русских чиновников на окраине империи, которые знали бы восточные языки, было проблематично и дорого для государственной казны. В связи с этим представители татарского населения Волго-Уральского региона, в силу знания ими быта, культуры и казахского языка, имели возможность естественным образом выполнять дипломатические функции, участвуя в регулярных встречах региональных властей с представителями казахской знати (ханами, султанами, биями, старшинами), включаться в разные дипломатические миссии империи в соседние среднеазиатские ханства, доставлять сведения о внутривосточном и международном положении, взаимодействии их с казахским кочевым народом. В документах первой половины XVIII в. татарские толмачи отмечены как лица, которые участвовали в установлении сотрудничества между оренбургской администрацией и казахской элитой Младшего и Среднего жузов. В первой половине XVIII в. деятельность татарских толмачей – Араслана Бекметева, Романа [Рахманкула] Уразлина, Уразая Абдуллина – началась под руководством начальника Оренбургской экспедиции Ивана Кирилловича Кирилова (1734–1737). Они хорошо знали хана Младшего жуза Абулхайра (1710–1748), его окружение, влиятельных казахских султанов, биев, старшин и могли своевременно информировать региональные власти о настроениях казахской знати, характере взаимоотношений между ними, местах их кочевий, маршрутах и т.д. Российская администрация понимала, что коммуникативные функции должны исполнять лица, которые не вызывали бы отторжение у представителей местной знати, а наоборот, вызывали бы доверие в отношениях между ними. И это не случайно, так как в лице татар, как подчеркивал известный востоковед Василий Владимирович Бартольд, русское правительство в XVI–XVII вв. располагало готовыми кадрами переводчиков. По сути, российской властью был восстановлен исторический опыт использования татар в качестве переводчиков, толмачей в странах Передней Азии в XVI–XVII вв. [2, с.182]. При этом интересно отметить, что термин «толмач»¹ появился в дипломатической практике Московского государства, начиная с 1470-х гг. В это же время были засвидетельствованы и выражения «королев толмач», «солтанов толмач», «государев толмач», «ханский толмач», означающие профессиональные наименования лиц, сопровождавших послов, послан-

¹ Толмач – переводчик, кто изъясняет, переводит взаимный разговор двух или более говорящих различными языками.

ников и гонцов во время посольств, выполнявших обязанности устных переводчиков на переговорах, в официальных беседах с иностранными послами, приезжавшими в Москву [20, с.120–121]. Роль переводчиков, толмачей восточного происхождения Посольского приказа в XVI – начале XVIII в. рассматривалась историком Андреем Беляковым [3; 4; 5; 6]. На основе архивных документов им установлено, что долгое время переводы с восточных языков осуществляли представители семей служилых татар, для которых такая служба была наследственной [3, с.26–39]. О большом интересе к изучению деятельности переводчиков, толмачей свидетельствуют конференции под общим названием «Переводчики и переводы конца XVI – начала XVIII столетия», проведенные Институтом российской истории РАН в 2019 и 2023 гг. [14; 15]. К сожалению, материалы вышеназванных конференций ограничены только началом XVIII в., в связи с чем не представлены исследования о дипломатической роли переводчиков и толмачей в Казахской степи и среднеазиатских ханствах, начиная с 30-х гг. XVIII в. до первой половины XIX в. Вместе с тем создание Оренбургской губернии и продвижение территории Российской империи в направлении Младшего, Среднего, Старшего жузов и среднеазиатских ханств потребовало расширение штата толмачей и переводчиков как в Коллегии иностранных дел, так и в губернской канцелярии.

Неслучайно 29 июля 1770 г. Екатерина II утвердила доклад Сената «О имени в Оренбургской губернии переводчиков и толмачей», расширявший штат толмачей до 3 единиц и 1 переводчика с калмыцкого языка, а 11 июня 1784 г. – о необходимости установления жалования переводчикам, толмачам и муллам, служившим на Сибирской линии [16, с.99–100].

Деятельность переводчиков, толмачей обуславливалась ролью Оренбургского региона в восточной политике империи, от них требовалось знание не только «тюрки», но и большие познания в других восточных языках. Председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.П. Веселицкий (1817–1820) отмечал, что канцелярии местной администрации «нужны знающие восточные языки, особенно для перевода письма»². Подготовка молодых юношей из местного населения региона стала одним из направлений деятельности оренбургской администрации. Ими были открыты Азиатские школы, кадетские корпуса в Оренбурге и Омске, где уделялось большое внимание лингвистической подготовке воспитанников. Более того, предусматривалась возможность отправки в Казань. Так, выпускники Омской Азиатской школы Уразгали Курбанаков, Айса Бикмаев, младший брат переводчика Ибниамина Бикмаева, в 1823 г. были отправлены в Казанскую гимназию для углубления знаний по восточным языкам

² Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.209. Л.3.

и стали специалистами, знающими «...татарский, персидский и арабский языки»³.

Конечно, требования региональной администрации к квалификации переводчиков своих ведомств имели определенный резон. В первой половине XIX в. роль Оренбурга особенно возросла в связи с проникновением английских разведывательных миссий в Центральную Азию и сопредельных с ней стран, территории которых в стратегических планах Британского правительства рассматривались как потенциально выгодные рынки сбыта для английских промышленных товаров и удобный плацдарм дальнейших военно-политических действий в этом регионе.

Знаменательно, что в этот период в Оренбурге работали такие известные деятели, как В.А. Перовский, оренбургский губернатор (с 1833 по 1842 г. и с 1851 по 1857 г.), Г.Ф. Генс (1825–1844), известный востоковед В.В. Григорьев (1852–1859) – председатели Оренбургской пограничной комиссии (созд. в 1799 г.). Масштаб их деятельности, естественно, влиял на чиновников всех уровней региональной администрации, в том числе на переводчиков и толмачей, которые включались в новые направления региональной политики, в новые сферы приложения своих знаний и в новые проекты по реализации стратегических замыслов русского правительства в отношении Степи и среднеазиатских ханств.

В стратегических планах Российской империи особая роль отводилась Хивинскому ханству, так как через эту территорию можно было выйти к торговым путям, ведущим в соседние среднеазиатские ханства (Бухара, Коканд), что делало ее весьма важной для российско-среднеазиатской торговли. В первой половине XIX в. отношения между Россией и Хивой, несмотря на развитие торговых контактов, были напряженными. Одной из причин являлось разграничение сфер влияния в казахских степях. Несмотря на то, что пограничные с Хивинским ханством казахские земли находились в течение почти столетия в составе имперской России, правители Хивы претендовали на контроль над казахскими родами, кочующими вдоль побережья Каспийского моря. Обострению отношений способствовали и нападения хивинцев на торговые караваны, следовавшие из Оренбурга в Бухару и в обратном направлении. Хивинские власти пытались контролировать эти торговые тракты, взимать пошлины с караванов, идущих с товарами [17, с.46–48]. Вопрос о русских пленниках, находившихся в Хиве, и механизм их освобождения являлись также ключевыми в отношениях между странами.

В 1818 г. поручик Башкиро-Мещеряжского войска Абдулнасыр Субханкулов был отправлен с секретной миссией в Хиву, чтобы решить вопрос с хивинским ханом о взаимной охране торговых караванов и по возможности добиться от Хивы возмещения убытка российским купцам,

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.И-4. Оп.1. Д.2526.

ограбленным хивинцами [22, с.17–23; 23, с.64–69]. Но здесь российского посланника встретили крайне недружелюбно, и вопрос об охране торговых путей не был решен. Однако поручик А. Субханкулов предоставил исторический материал, который способствовал расширению представлений российских властей о Хиве, занятиях хивинцев, а также о событиях, происходивших в это время в регионе [9, с.206–218].

Практически через год, в 1819 г., была послана следующая экспедиция с переводчиком Оренбургской губернской канцелярии Мендияром Бекчуриным с целью урегулирования торговых взаимоотношений с Хивой. М. Бекчурин должен был передать хивинскому визирю письмо от министра иностранных дел Российской империи Карла Нессельроде (1816–1856), утвержденное императором Александром I. Однако хивинский хан Мухаммад Рахим (1806–1825) проигнорировал это послание, отправив М. Бекчурина обратно без официального ответа [21, с.140–142].

В 1836 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский писал директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. Родофиникину, что хивинцы «испытывают свои силы и способы» и распоряжаются «в орде как дома», считая казахов своими подданными, «с небывалой смелостью распространяют влияние свое на роды, которые даже не подходят никогда к пределам Хивы» [12, с.277]. Свидетельством этого явилось обращение в первой половине XIX в. казахского населения Западной части Оренбургского ведомства к региональной администрации с просьбой защитить их от притязаний хивинцев, которые продолжали собирать закят у них и, более того, пытались расширить пространство своих притязаний и на казахские роды, кочующие в 200 верстах от пограничной линии [12, с.347–353].

Кроме того, Хива отказывалась выдавать русских пленных, несмотря на требования российских властей. Не добившись согласия хивинского хана на их освобождение, русское правительство задержало в 1836 г. всех находившихся в России хивинских купцов, конфисковав их имущество. После неудачных переговоров, происходивших на протяжении 1837–1838 гг., царское правительство решило добиться выполнения своих требований вооруженной силой, поэтому был поддержан проект о военном походе в Хиву, инициированный В.А. Перовским.

16 февраля 1839 г. был утвержден план подготовки и организации военной экспедиции в Хиву. Оренбургская администрация разработала маршрут следования экспедиции. Из-за ограниченности финансового обеспечения Хивинской экспедиции было принято решение о найме верблюдов у казахского населения Западной части Оренбургского ведомства вместо их покупки. К таким многочисленным родам, как табын, адай, кете, жакаим, «для лучшего успеха» был отправлен в начале ноября толмач Оренбургской Пограничной комиссии Мухамед-Шариф Аитов (из дворян Оренбургской губернии) «для доставки 2 тысяч верблюдов». Однако «убеждениями в весьма трудном деле» Аитов сумел собрать

только 500 верблюдов, которых ждали отряды экспедиции в Эмбенском укреплении. В связи с отсутствием денежных средств М.-Ш. Аитов не сумел расплатиться с казахами за «найм верблюдов», за что был пленен казахами рода адай, берш и отправлен в Хиву⁴. Дореволюционный исследователь военных походов российского правительства Михаил Иванин расценивал этот поступок казахов по отношению к чиновнику Пограничной комиссии как доказательство того, что казахи находились «более под влиянием хивинцев», чем Империи [11].

В период пребывания толмача Оренбургской пограничной комиссии М.-Ш. Аитова в качестве пленного в Хиве (до августа 1840 г.) хивинский хан Аллакули (1826–1842) принимал его дважды. В результате переговоров толмач М.-Ш. Аитов в августе 1840 г. был отпущен из плена и привез в Оренбург письмо от хивинского хана В.А. Перовскому и именной подарок – серебряный нож с ручкой из слоновой кости как символ урегулирования конфликта⁵. Дипломатическая деятельность М.-Ш. Аитова в Хиве проявилась и в том, что он сумел убедить хивинского хана отпустить русских пленных, которые через Ново-Александровское укрепление прибыли в Оренбург. Более того, им были собраны сведения внутренней жизни Хивинского ханства, представлявшие определенный интерес для правительства – по данным его послужного списка, в сентябре 1840 г. «за отличные действия в период плена произведен в поручики»⁶. 29 сентября 1840 г. он был командирован в Санкт-Петербург для сопровождения посла хивинского хана, крупного чиновника Хивинского ханства Атанияз ходжу к императорскому двору. Миссия была выполнена успешно, и в феврале 1841 г. М.-Ш. Аитов возвратился в Оренбург⁷.

В мае 1841 г. поручик М.-Ш. Аитов, как человек, знающий лично хивинского хана и его окружение, был включен в состав дипломатической миссии капитана П. Никифорова, выехавшего из Оренбурга в Хиву. В инструкции, данной В.А. Перовским, четко определена цель миссии капитана П. Никифорова и план действий. Во-первых, он должен был объяснить хивинскому хану Аллакули, что Россия не позволит хивинцам по-прежнему собирать дань с казахов к северу от реки Эмбы, так как считает их своими подданными. Во-вторых, нужно потребовать от хана признания за Россией прав на весь восточный берег Каспийского моря. В данной инструкции В.А. Перовский подчеркивал, что П. Никифоров должен был внушить хивинскому хану необходимость оставления при нем толмача М.-Ш. Аитова «как русского чиновника, поелику таковые находятся при всех независимых владельцах» [19]. В.А. Перовский исходил из того, что от английского правительства в качестве посланника при

⁴ ОГАОО. Ф.167. Оп.1. Д.24. Л.7–28 об.

⁵ Там же. Л.22.

⁶ ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.2786. Л.3 об.

⁷ Там же. Л.1–12.

хивинском хане в 1840 г. был назначен капитан Р. Шекспир [19, с.142]. Выбор фигуры толмача Пограничной комиссии М.-Ш. Аитова как представителя Российской империи в Хивинском ханстве свидетельствовал о доверительном отношении оренбургского губернатора к нему, о высокой оценке его знаний восточных языков, о признании за ним дипломатических способностей, ибо на него возлагалась важная миссия. Однако хивинский хан принял миссию П. Никифорова настороженно и не согласился на присутствие поручика М.-Ш. Аитова при хивинском дворе. Несмотря на решение хивинского хана, капитан П. Никифоров на основе предписаний министра иностранных дел и Оренбургского военного губернатора поручил М.-Ш. Аитову остаться на несколько месяцев в Хиве, но вначале выехать в Бухару под видом «отправления по делам службы», позже вернуться в Хиву под предлогом возвращения в Оренбург и «разведать о видах английского правительства в Хиве» [19, с.141–142].

Значимость роли толмача М.-Ш. Аитова в дальнейшем развитии взаимоотношений Хивы и Российской империи проявилась и позже, когда он был назначен приставом при представителе хивинского хана в Оренбурге – Ишбае Бабаеве – и сопровождал хивинских посланников в Санкт-Петербург. Дело в том, что российские власти в конце 40-х гг. XIX в. стали укреплять свои позиции на подступах к среднеазиатским ханствам, создавая опорные пункты для «расширения торговых связей и политических действий». В 1847 г. на путях, ведущих к ханствам с северо-запада и северо-востока, были заложены два укрепления: Раимское (близ устья Сырдарьи) и Копал (у Семиреченского Алатау). В ответ на практические действия российского правительства в Оренбурге появились посланники Хивы для выяснения целей строительства укрепления на р. Сырдарье и требовали отправки в Хиву российского чиновника, который лично мог бы уверить хана, что построение укрепления в Степи «не может иметь никаких последствий в отношении влияния России на Хивинское ханство». В контексте этих событий интерес представляет докладная записка штабс-капитана М.-Ш. Аитова «О командировании чиновника в Хиву» председателю Оренбургской пограничной комиссии от 12 октября 1848 г.⁸

Беспокойство хивинского хана, по мнению М.-Ш. Аитова, вызвало и то, что казахи, кочевавшие близ Хивы, которых он считал своими подданными, удалились и стали кочевать недалеко от Раимского укрепления. В ответ на это хивинцы стали нападать на казахские кочевья и грабить их. Подозрение хивинского хана, что укрепление «...есть предшествование владычества России над Хивой», по прогнозам М.-Ш. Аитова, ухудшило ситуацию в Степи, ибо Хива стала принимать всевозможные меры, чтобы подчинить казахское население своей власти, «...для сего будет возмущать или притеснять их». Исходя из этого, М.-Ш. Аитов рекомендовал

⁸ ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.414. Л.68–71 об.

председателю Пограничной комиссии М.В. Ладыженскому (1844–1853) принять меры и немедленно послать российского чиновника в Хиву. М.-Ш. Аитов, исходя из своего опыта, а именно неоднократного пребывания в Хиве и постоянного общения с хивинскими послами в Оренбурге и в Санкт-Петербурге (сопровождал их в 1844 г.), объяснял, почему хивинцы требуют личного объяснения от русского чиновника и им недостаточно официального письма, так как «не имеющие на письме никаких дел, едва ли могут принять за существенную истину, что-либо письменно им сообщенное». В своей докладной записке он подчеркивал, что «если для достоинства России непристойно назначить чиновника от высшего правительства, то, по крайней мере, от имени главного начальника Оренбургского края». При этом российский чиновник должен был внушить хивинскому хану, что укрепление построено в Степи «с целью обезопасить проходы азиатских караванов и восстановить спокойствие между казахами, которые грабили караваны или взыскивали непомерную пошлину»⁹.

М.-Ш. Аитов, прослужив в штате Пограничной комиссии около сорока лет, вышел в отставку 28 июня 1856 г. «с мундиром и пенсионом». Согласно ст. 527 «о военных чинах заслуги за службу» пенсия была назначена по чину штабс-капитана, а не по разряду, к которому относилась занимаемая им должность¹⁰.

Дипломатическая деятельность переводчиков и толмачей Пограничной комиссии со второй половины XIX в. прослеживается уже и через другие исторические фигуры. С середины 40-х гг. XIX в. в штате Пограничной комиссии работали на должности переводчиков братья Искендер и Сулейман Батыршины (из дворян Оренбургской губернии). Младший переводчик Искендер Батыршин по поручению председателя Пограничной комиссии М.В. Ладыженского в 1852 г. составил две служебные записки о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ирмухамеде [Илекее] Касымове [10, с.300–318]. Записки были составлены на основе расспроса и бесед с потомком хана Младшего жуза Абулхайра (1718–1748), правнука хана Ералы (1791–1794) султана Ермухамеда Касымова, который хорошо знал хивинского хана Мухамед Эмина и находился под его патронатом с 1847 г., но через два года по навету придворных советников был заключен в тюрьму, откуда он смог бежать в январе 1852 г. на Оренбургскую пограничную линию. Появление столь загадочной и влиятельной фигуры в Оренбурге вызвало интерес В.А. Перовского, который поручил председателю Пограничной комиссии собрать подробные сведения о казахском султанине Ирмухамеде Касымове и составить характеристику о нем. Нужно отметить, что И. Батыршин отнесся к поручению

⁹ ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.414. Л.70–71 об.

¹⁰ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.7230. Л.1–21 об.; ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.2786; Д.2728.

основательно, он не только опирался на сведения, данные Е. Касымовым о Хиве, казахских родах, кочующих вдоль Сырдарьи, но и на архивные дела Комиссии и опрос очевидцев этого времени, а именно хорунжего Башкирского войска Карамышева и казахского заседателя Пограничной комиссии султана Тлеукабыла Абултаева [10, с.318]. Широкий кругозор переводчика И. Батыршина, личное знакомство с представителями казахской кочевой элиты позволило ему представить региональной администрации системную информацию о внутривосточном положении Хивинского ханства и характере взаимоотношений с казахами Младшего жуза. Большая ценность представленной «Записки» для региональной администрации и Центра состояла в том, что И. Батыршин дал подробное описание маршрута для прохода регулярных войск империи в Хиву через Казахские степи с указанием рек, колодцев, оврагов, кладбищ и расстояний между ними.

16 мая 1853 г. И. Батыршин был зачислен в военный отряд В.А. Перовского, который двигался вверх по течению Сырдарьи от Раимского укрепления до крепости Ак Мечеть «для обозрения укреплений и устройства вообще дел на Сыре»¹¹. Во время своего участия в качестве переводчика в военном походе И. Батыршин вел дневник, который включал сведения о кочующих вдоль Уральского (созд. в 1845 г.) и Раимского (1847 г.) укреплений, Карабутацкого форпоста (1847 г.), казахских родах, взаимоотношениях, кочующих вдоль Сырдарьи с Хивой казахов, маршрутах хивинских караванов и т.д. [13, с.300–362].

Старший переводчик Пограничной комиссии Сулейман Батыршин также участвовал в подготовке военного похода В.А. Перовского в 1853 г. Согласно данным послужного списка С. Батыршина, он был командирован в Степь «для скорейшего найма верблюдов» у ордынцев «под транспортировку казенного провианта». За оперативность действий и своевременную поставку гужевого транспорта в 1854 г. был произведен в титулярные советники со старшинством¹². 16 октября 1857 г. указом Александра II было утверждено предложение министра иностранных дел А.М. Горчакова об отправке русского посольства в Хиву и Бухару. Дело в том, что 20 июля 1857 г. в Оренбург прибыло посольство от хивинского хана в количестве 16 человек с подарками (двумя аргамаками) для императора Александра II. Этот шаг со стороны Хивы был расценен региональной администрацией и Санкт-Петербургом как начало урегулирования дипломатических отношений. Вполне возможно, что во время пребывания хивинского посольства в Оренбурге переводческие функции осуществлял старший переводчик Пограничной комиссии И. Батыршин, так как 20 апреля 1858 г. по рекомендации оренбургского губернатора А. Катенина С. Батыршин был включен в состав военно-дипломатической миссии

¹¹ ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.2761. Л.11 об.

¹² ЦГА РК. Ф.И-25. Оп.5. Д.245. Л.46–60.

флигель-адъютанта Н.П. Игнатъева в Хиву и Бухару в качестве драгомана, т.е. переводчика восточных языков. Членом экспедиции стал и прапорщик Военно-топографического департамента Генерального штаба А.С. Муренко, благодаря которому были запечатлены участники данной дипломатической миссии [1]. В мае 1858 г. из Оренбурга путь экспедиции проходил через Эмбенское укрепление, по западному берегу Арала и далее в Хиву. Сулейману Батыршину эти просторы казахских кочевий были известны, так как он неоднократно командировался в Степь по разным поручениям, лично знал многих влиятельных родоправителей. Основная задача миссии в Хиве – получить разрешение хивинского хана на право свободного плавания торговым русским судам по реке Амударья и постоянного пребывания торгового агента Российской империи в Хиве, однако этот вопрос не был решен [8, с.420–474]. 22 августа 1858 г. С. Батыршин был награжден знаком отличия за беспорочную службу. Дипломатические способности С.Батыршина проявились и в 1859 г., когда он распоряжением оренбургского губернатора был назначен приставом при бухарском посольстве для сопровождения их в Санкт-Петербург к высочайшему двору¹³. В дальнейшем судьба С. Батыршина претерпела ряд сложностей [18, с.151–179]. По сведениям известного исследователя А.И. Добромыслова, С. Батыршин был оклеветан муллою Курманом перед военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзекком и сослан в Уфимскую губернию, затем в г. Онегу Архангельской губернии, где пробыл 5 лет, затем получил прощение и право службы. В последние годы жизни занимал должность члена городской управы г. Ташкента [7, с. 470].

Роль Оренбурга как опорного центра в проведении центрально-азиатской политики Российской империи расширяла сферу деятельности татарских переводчиков Пограничной комиссии. Уникальное расположение региона, его отдаленность от Санкт-Петербурга ставили перед оренбургскими губернаторами отличные от внутренних губерний задачи.

Оренбургский губернатор имел право принимать официальные посольства среднеазиатских ханств и других стран Среднего Востока. Исследование позволило установить, что для приема этих посольств в Оренбурге не отправлялись переводчики Азиатского департамента министерства иностранных дел. Дипломатическую деятельность выполняли татарские переводчики и толмачи Оренбургской пограничной комиссии. Они присутствовали на встречах посольств, получали полную информацию о лицах, входящих в посольство, способствовали организации приема посольств оренбургской администрацией, находились в постоянном общении с членами посольства, сопровождали посольства до Санкт-Петербурга, если в составе их посольства не было своего переводчика. От компетенции и деятельности переводчиков Пограничной комиссии во многом зависело не только осуществление международного общения, но

¹³ ЦГА РК. Ф.И-25. Оп.5. Д.245. Л.46–60.

получение «нужной информации» о характере и назначении посольств, о влиятельных чиновниках, о численности, боеготовности армии сопредельных государств, что способствовало формированию стратегии и тактики региональной администрации и Центра по отношению к среднеазиатским ханствам.

Татарские переводчики и толмачи входили, конечно, в число особо ценных чиновников региональной администрации. Кроме жалования они получали вознаграждения и подарки от российского правительства в ходе дипломатической деятельности, что являлось признанием важности их услуг. Татарские переводчики, осуществляя международное коммуникативное посредничество, вносили вклад в развитие дипломатических контактов и торгово-экономических отношений между странами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбом фотографий миссии полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Ignatiev/text7.phtml> (дата обращения: 17.10.2023).

2. *Бартольд В.* История изучения Востока в Европе и России. Л.: Ленинградский гублит, 1925. 338 с.

3. *Беляков А.* Устокасимовы: переводчики Посольского приказа второй половины XVI–XVII вв. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М.: Ин-т российской истории РАН. 2023. С.26–39.

4. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 367 с.

5. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Изд-во Индрик, 2021. 306 с.

6. *Беляков А.В.* Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.2. Рязань, 2001. С.36–42.

7. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 17. Тверь, 1902. С.422–497.

8. *Залесов Н.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. 1871. Т.91. С.421–474; Т.92. С.40–82.

9. Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. // История Казахстана в русских источниках. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С.206–218.

10. Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ирмухамеде [Илекее] Касымове. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о

поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С.300–318.

11. *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.

12. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867): сб. док. и материалов / сост. Ф.Н. Киреев. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 743 с.

13. Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / предисл., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. Астана, 2012. С.279–372.

14. Переводчики и переводы в России конца XVI – начало XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М.: Ин-т российской истории РАН, 2019. 236 с.

15. Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М.: Ин-т российской истории РАН. 2023. 460 с.

16. ПСЗ РИ-1. Т. XIX. №13489.

17. *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 392 с.

18. *Самигуллин И.М.* История одной фотографии. Превратности судьбы советника тургайского областного правления Сулеймана Батыршина // Историческая этнология. 2020. Т.5, №1. С.151–179. DOI: 10.22378/ie.2020-5-1.151-179

19. Сборник материалов для Туркестанского края. Т.3. Ташкент, 1912. С.141–142.

20. *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовянке, 1971. 220 с.

21. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 406 с.

22. *Шкунов В.Н.* Миссии поручика Абдулнасыра Субханкулова в Бухару и Хиву в 1810 и 1818 гг. // Восток. 1997. №4. С.17–23.

23. *Шкунов В.* Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. №3/4. С.64–69.

Информация об авторе:

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-8875-0572; e-mail: sultangalievagulmira@gmail.com

Поступила 22.12.2023

Принята к публикации 23.01.2024

Subjects of the diplomatic activities of Tatar translators
of the Orenburg Border Commission in Khiva
(first half of the 19th century)

G.S. Sultangalieva

*Al Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

The purpose of this article is to reveal individual stories of the inclusion of Tatar translators and interpreters of the Orenburg Border Commission in diplomatic activities in the Khiva Khanate. Due to their duty of service and knowledge of oriental languages, interpreter Mukhamet-Sharif Aitov, translators Iskender and Suleiman Batyrshin performed communicative functions between the embassies of the Khiva Khan in Orenburg and the regional administration and accompanied the Russian diplomatic missions to Khiva and the Khiva embassies to St. Petersburg. The result of their diplomatic activities was scientific information about the internal political and international situation of Khiva, which allowed the regional administration and the Center to develop action strategies and make certain decisions. The article is based on archival documents extracted from the funds of the central archives of Kazakhstan and Russia, and historical literature.

Keywords: diplomatic activity, Tatar translators, interpreters, Khiva, Orenburg Border Commission

For citation: Sultangalieva G.S. Subjects of the diplomatic activities of Tatar translators of the Orenburg Border Commission in Khiva (first half of the 19th century). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.94–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.94-108> (In Russian)

REFERENCES

1. Album of photographs of the mission of Colonel N.P. Ignatiev to Khiva and Bukhara in 1858. *Oriental literature* [Electronic resource]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Ignatiev/text7.phtml> (accessed: 17.10.2023). (In Russian)
2. Bartold V. *History of the study of the East in Europe and Russia*. Leningrad: Leningrad Provincial Administration for Literature and Publishing, 1925. 338 p. (In Russian)
3. Belyakov A. Ustokasimovs: translators of the Ambassadorial Prikaz of the second half of the 16th–17th centuries. *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Vol.3. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp.26–39. (In Russian)
4. Belyakov A.V. *Servants of the Ambassadorial Prikaz 1645–1682*. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2017. 367 p. (In Russian)

5. Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytshev D.V., Shamin S.M. *Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: materials for the dictionary*. Moscow: Indrik Publ., 2021. 306 p. (In Russian)
6. Belyakov A.V. Kasimov Tatars – village residents, interpreters and translators of the Ambassadorial Prikaz. *Materials and research on Ryazan local history*. Vol.2. Ryazan, 2001. Pp.36–42. (In Russian)
7. Dobrosmyslov A.I. Turgai region. Historical sketch. *News of the Orenburg department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol.17. Tver, 1902. Pp.422–497. (In Russian)
8. Zalesov N. Embassy to Khiva and Bukhara of Colonel Ignatiev in 1858. *Russian Bulletin*. 1871, vol.91, pp.421–474; vol.92, pp.40–82. (In Russian)
9. Remarks of Lieutenant Abdunasyr Subkhankulov about his trip from Orenburg to Khiva in the summer of 1818. *History of Kazakhstan in Russian sources*. Vol.6. Travel diaries and memos about trips across the southern steps. 18th–19th centuries. Almaty: Dyke-Press Publ., 2007. Pp.206–218. (In Russian)
10. Note by the junior translator of the Orenburg Border Commission Iskander Batyrshin about the Khiva Khanate and the Khan of the Syrdarya Kazakhs Irmukhamed Kasymov. *History of Kazakhstan in Russian sources*. Vol.6: Travel diaries and service notes about trips across the southern Kazakh steppes of the 18th–19th centuries. Almaty: Dyke Press Publ., 2007. Pp.300–318. (In Russian)
11. Ivanin M. *Description of the winter campaign in Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: Public Benefit Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
12. *Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries (1771–1867): collection of documents and materials*. Compiled by F.N. Kireev. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 1961. 743 p. (In Russian)
13. A short diary kept by translator Iskender Batyrshin during the campaign against Akmechet. *History of Kazakhstan in documents and materials*. Vol.2. Ed. by B. Zhanaev. Astana, 2012. Pp.300–362. (In Russian)
14. *Translators and translations in Russia at the end of the 16th – early 18th centuries: materials of the international scientific conference*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2019. 236 p. (In Russian)
15. *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Vol.3. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. 460 p. (In Russian)
16. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. Collection 1. Vol.19, no.13489. (In Russian)
17. Rozhkova M.K. *Economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the 19th century and the Russian bourgeoisie*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949. 392 p. (In Russian)
18. Samigullin I.M. History of one photograph. Ups and downs of Turgai province administration counselor, Suleyman Batyrshin's life. *Historical ethnology*. 2020, vol. 5, no. 1, pp. 151–179. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179 (In Russian)
19. *Collection of materials for the Turkestan region*. Vol.3. Tashkent, 1912. Pp.141–142. (In Russian)
20. Sergeev F.P. *Russian diplomatic terminology of the 11th–17th centuries*. Kishinev: Kartya Moldovanske Publ., 1971. 220 p. (In Russian)

21. Khalfin N.A. *Russia and the khanates of Central Asia (first half of the 19th century)*. Moscow: Science Publ., 1974. Pp.140–142. (In Russian)

22. Shkunov V.N. Missions of lieutenant Abdunasyr Subkhankulov to Bukhara and Khiva in 1810 and 1818. *East*. 1997, no.4, pp.17–23. (In Russian)

23. Shkunov V. Tatar merchants in Russian-Eastern trade (second half of the 18th – first half of the 19th centuries). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 1997, no.3/4, pp.64–69. (In Russian)

About the author:

Sultangalieva Gulmira Salimzhanovna – Dr. Sci. (history), Professor, Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-8875-0572; e-mail: sultangalievagulmira@gmail.com

Received December 22, 2023

Accepted for publication January 23, 2024